

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	9
Сокращения	14
Введение	15
1991 год и сдвиг парадигмы	16
Империя, нация и формирование Советского Союза	19
Этнографическое знание	27
Этнографическое знание и культурные технологии управления	31
Меняющийся европейский фон	36
Структура книги	37
О датах	40
От переводчика	41

Часть I. Империя, нация и научное государство

Глава 1. На пути к революционному альянсу	44
Национальный вопрос и большевики	49
Этнографическое знание и Императорское Русское географическое общество	57
Язык национальности	64
Первая мировая война и мобилизация науки	76
Первая мировая война и большевистская идеология	84
1917	88
Глава 2. Принцип национальности versus экономическая целесообразность	98
Принцип национальности	103
Дискуссия о районировании	109
Комиссия Калинина	120
Наркомнац, Центральное этнографическое бюро и поддерживаемое государством развитие	125
Госплан, Госколонит и советская колонизация	130
Дискуссия о районировании и этнографы КИПС	138
Компромисс	141

Часть II. Культурные технологии управления и природа советской власти

Глава 3. Перепись 1926 года и концептуальное завоевание земель и народов	150
<i>Национальность в новом советском контексте</i>	155
<i>Подкомиссия КИПС по переписи</i>	159
<i>Определение условий переписи</i>	167
<i>Классификация на практике</i>	179
<i>Пересмотр списка народностей</i>	187
<i>К списку «главных народностей»</i>	192
<i>Политическая власть, научное знание и судьба КИПС</i>	197
Глава 4. Межевание границ и формирование советских национальных идентичностей	205
<i>От принципов к парадигмам</i>	209
<i>Случай Белоруссии</i>	211
<i>Случай Украины</i>	218
<i>Размежевание в Средней Азии</i>	224
<i>Национальные идентичности и двойная ассимиляция в Средней Азии</i>	230
<i>Внутреннее районирование и проблема национальных меньшинств</i>	242
<i>Этнографическое знание и создание Таджикистана</i>	245
Глава 5. Этнографические выставки и трансформация «народов СССР»	260
<i>Этнографический отдел в период концептуального завоевания</i>	264
<i>Юбилей революции и кампания по советизации музея</i>	272
<i>«Народы СССР» в «год великого перелома»</i>	281
<i>Из посетителей в активисты</i>	290
<i>«Народы СССР» на пути к социализму</i>	295
<i>Проблема развитых народностей</i>	303

Часть III. *Нацистская угроза и ускорение большевистской революции*

Глава 6. Поддерживаемое государством развитие и борьба против немецкого биологического детерминизма . . .	312
<i>Советская прикладная наука в 1920-х годах: идеализированная «немецкая модель»</i>	315
<i>Определение расы и культуры</i>	320
<i>Прикладная наука и изучение расы и культуры</i>	323
<i>Этнография и антропология в годы «великого перелома»</i>	329
<i>Проверка теоретических основ советского проекта</i>	338
<i>Врожденное, приобретенное и культурная революция</i>	345
<i>Создание советского расоведения</i>	351
<i>«Закон стадийности»</i>	355
Глава 7. Этнографическое знание и террор	363
<i>Ускорение хода поддерживаемого государством развития</i>	367
<i>Самоидентификация на фоне нацизма</i>	372
<i>Список 1937 года</i>	376
<i>Этнографы и статистики во время террора</i>	379
<i>Урезание списка</i>	382
<i>Самоидентификация и новые паспортные директивы</i>	390
<i>Национальность и гражданство</i>	396
<i>К окончательному списку национальностей</i>	403
Эпилог	411
<i>Советизация общественных наук</i>	415
<i>Переписные списки и путь в коммунистическое будущее</i>	424
<i>1989, 1991 и после</i>	430
Приложения	434
Библиография	446
Указатель имен	467

ВВЕДЕНИЕ

В Новое время возникла такая история, какой прежде никогда не было. Отныне она уже не состояла из деяний и злоключений людей и не повествовала о событиях, влияющих на жизни людей; она стала рукотворным процессом, единственным всеохватным процессом, обязанным своим существованием исключительно людскому роду.

Ханна Арендт. Между прошлым и будущим. 1968¹

1991-й был годом необыкновенных событий — таких, как коллапс и распад Советского Союза и официальное завершение холодной войны. Геополитическая карта Европы и Азии изменилась стремительно и радикально. Западные наблюдатели с трепетом, тревогой и недоумением смотрели на подъем национальных движений, возникновение межнациональных конфликтов и формирование новых национальных государств на территории бывшего СССР. Многие политики, журналисты и ученые, привыкшие воспринимать Советское государство как монолит и мысленно отождествлять «русских» и «советских», спрашивали: «Откуда взялись все эти нации? Что за государство был Советский Союз? В чем вообще состояла суть советского социалистического эксперимента?» Когда в 1994 году я впервые ступила под своды архивов бывшего СССР и начала исследовать институциональные, политические, социальные и научные процессы, сформировавшие Советский Союз, я задавалась, в частности, и такими вопросами. Именно вокруг них выстроена эта книга.

---

¹ *Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / Пер. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. С. 88. — Прим. пер.*

Сейчас, наверное, сложно вспомнить, насколько поражены были люди распадом Советского Союза по национальным границам в 1991 году. Но даже самые проникательные из тех, кто наблюдал за происходившим в СССР, были шокированы, и не без оснований. Десятилетиями национальные конфликты и национальные противоречия внутри Советского Союза оставались белым пятном истории. На протяжении холодной войны большинство западных историков СССР уделяли основное внимание России и русским. Строго говоря, и в те годы на Западе вышло несколько блестящих монографий о нерусских народах СССР, а после советского вторжения в Афганистан европейские и американские ученые написали много важных работ об исламе при коммунистическом режиме¹. Однако такие работы создавали свои собственные области исследования за пределами мейнстрима и не были интегрированы ни в один из конкурирующих «главных нарративов» о большевистской революции. Кроме того, эти работы отражали общие предрассудки своего времени. Во многих из них нерусские национальности изображались как беспомощные жертвы «советско-русского» правления и узники советской «тюрьмы народов», непричастные к революции. В большинстве работ применялся подход «сверху вниз» и не уделялось

---

¹ См., например: *Vakar N.P.* Belorussia: The Making of a Nation, a Case Study. Cambridge, MA, 1956; *Reshetar J.S.* The Ukrainian Revolution, 1917–1920: A Study in Nationalism. Princeton, 1952; *Senn A.* The Great Powers: Lithuania and the Vilna Question, 1920–1928. Leiden, 1966; *Borys J.* The Sovietization of Ukraine, 1917–1923: The Communist Doctrine and Practice of National Self-Determination. Edmonton, 1980; *Rakowska-Harmstone T.* Russia and Nationalism in Central Asia: The Case of Tadzhikistan. Baltimore, 1970; *Massell G.J.* The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton, 1974; *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay C.* Islam in the Soviet Union. London, 1967; *Bennigsen A., Wimbush S.E.* Muslim National Communism in the Soviet Union: A Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago, 1979; *Bennigsen A., Broxup M.* The Islamic Threat to the Soviet State. London, 1983. Некоторые из самых информативных работ о советском подходе к национальному вопросу были написаны до начала холодной войны. См., например: *Kohn H.* Nationalism in the Soviet Union. New York, 1933; *Janowsky O.J.* Nationalities and National Minorities. New York, 1945.

внимания сложной природе интересов и конфликтов локального уровня¹.

Как можно объяснить это смешение «русского» и «советского»? В чем причина относительно слабого интереса большинства западных ученых к нерусским национальностям СССР в период холодной войны? До некоторой степени эта ориентация на «Россию» отражала практические соображения. Ученым было довольно сложно получить доступ к архивам Москвы и Ленинграда и практически невозможно — к архивам национальных республик. Но еще важнее, что эта ориентация вытекала из восприятия СССР сквозь призму холодной войны. Из-за участия СССР и США в конфликтах по всему миру западные наблюдатели привыкли воспринимать «советских» как единое целое, диаметрально противоположное «американцам». Советское руководство, со своей стороны, поддерживало эту точку зрения, провозглашая существование единого «советского народа»².

Конец советского режима привел к значительному сдвигу парадигмы. На руинах советского колосса вырастали новые национальные государства, и в связи с этим появились новые работы, содержавшие тезис, который был в то время спорным и оригинальным, — что советский режим сознательно «создавал» территориальные нации. Согласно одной из этих работ, большевики проводили политику «компенсаторного нациестроительства», активно «создавая» многие из этих национальностей (например, узбеков и белорусов), которые затем провозгласили независимость на фоне экономического и политического коллапса СССР³. Тем временем, пока западные ученые писали

---

¹ В этом отношении многие авторы следовали подходу «тоталитарной школы», господствовавшей в период холодной войны. См. работу, которая в большой степени ориентируется на тоталитарную школу, но также детально описывает интересы местного уровня: *Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923*. Rev. ed. Cambridge, MA, 1997. Работа Пайпса была впервые опубликована в 1954 году.

² См., например: *Шенилов Д. Т. Великий советский народ*. М., 1947; *Шерстобитов В. П. Советский народ: монолитная общность строителей коммунизма*. М., 1976.

³ *Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 2. P. 414–452. См. также: *Suny R. G. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the*

о неожиданно «прогрессивном» характере советской национальной политики, политические лидеры и ученые в постсоветских национальных государствах заговорили на языке деколонизации, приветствуя гибель коммунистической империи, насильственно подчинившей нерусских воле Москвы¹. Создавая постколониальный нарратив, эти лидеры и ученые опирались на западные работы, написанные в разгар холодной войны и характеризовавшие Советский Союз как колониальную империю и «разрушителя наций»².

Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993; *Brubaker R.* Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1996; *Fowkes B.* The Disintegration of the Soviet Union: A Study in the Rise and Triumph of Nationalism. New York, 1997; *Smith J.* The Bolsheviks and the National Question, 1917–23. Houndmill, UK, 1999; *Simon G.* Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society / Transl. by K. and O. Forster. Boulder, 1991. Работа Симона впервые вышла на немецком языке в 1986 году, до коллапса СССР. Некоторые авторы, например Суни, объясняли коллапс СССР национальным вопросом. Другие не утверждали существования такой причинно-следственной связи. На большинстве этих работ сказалось влияние книг 1980–1990-х годов, в которых обсуждалось «конструирование» современных наций: *Gellner E.* Nations and Nationalism. Ithaca, 1983 [русский перевод: *Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. — *Прим. пер.*]; *Hobsbawm E. J.* Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990 [русский перевод: *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года / Пер. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. — *Прим. пер.*]; *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Rev. ed. London, 1991 [русский перевод: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В.Г. Николаева; ред. и вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. — *Прим. пер.*]. Авторы этих работ писали с марксистской точки зрения (или, как Геллнер, держа в уме советский образец). Подобно Марксу и большевикам, они воспринимали «нацию» как продукт эпохи капитализма, развившийся в связи с индустриализацией, распространением печатной культуры и т.д.

¹ См., например: *Velychenko S.* The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought: Dependency Identity and Development // *Ab Imperio*. 2002. No. 1. P. 323–367. Величенко пишет, что в 1991 году «восемь из тринадцати политических партий Украины в своих программах называли свою страну эксплуатируемой». Он также обсуждает украинский учебник 1995 года, в котором «Советская Украина отдельно описывалась как колония, а ее партийная организация — как колониальная администрация, служащая интересам „оккупационного режима“». См. также: *Масов Р.М.* История топорного разделения. Душанбе, 1991; *Он же.* Таджики: история с грифом «совершенно секретно». Душанбе, 1995.

² В частности, они опирались на работы британских ученых, писавших в то время, когда Британская империя сама испытывала болезненный процесс

ИМПЕРИЯ, НАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Следуя течениям научной мысли, имевшим место после 1991 года, историки оживленно дискутировали, был ли СССР империей, государством-«нациестроителем» нового типа или некоей комбинацией того и другого. Некоторые ученые подходили к этому вопросу компаративно, очерчивая типологию «наций» и «империй» и затем рассуждая, под какую категорию подпадал Советский Союз¹. Другие изучали теоретическую литературу о нациестроительстве, национализме и колониализме, заимствуя из иных исторических контекстов модели и ключевые фразы для описания советской политики и практики, и выдвигали тезисы о советском случае большей частью на основе аналогий². И наконец, третьи искали корни советского подхода к «национальному вопросу» в широком контексте «европейского модерна»³. Все эти авторы рассматривают СССР в более общем международном

деколониализации. Примеры этих британских работ: *Conquest R. The Last Empire*. London, 1962; *Caroe O. Soviet Empire: The Turks of Central Asia and Stalinism*. London, 1953; *Kolarz W. Communism and Colonialism*. London, 1964. Конквест вновь выдвинул и расширил свои тезисы в книге: *Conquest R. Stalin: Breaker of Nations*. London, 1991.

¹ См., например: *Motyl A. J. Thinking About Empire* // Barkey K., von Hagen M. (eds.). *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building*. Boulder, 1997. P. 19–29; *Dawisha K., Parrot B. (eds.). The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective*. Armonk, NY, 1997. Советский Союз сравнивается с другими империями, но без этой типологизации, в работе: *Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. New Haven, 2000.

² О применимости термина «положительное действие» («положительная деятельность»), или «affirmative action», в советском контексте см.: *Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001 [русский перевод: *Мартин Т. Империя «положительной деятельности»*. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. — *Прим. пер.*]. Пола Майклс в своей работе о медицинской пропаганде в Советском Казахстане опирается на литературу о британском империализме и медицине, но не объясняет сходства между советской и британской ситуациями. См.: *Michaels P. A. Medical Propaganda and the Cultural Revolution in Soviet Kazakhstan, 1928–41* // *The Russian Review*. 2000. Vol. 59. No. 2. P. 159–178.

³ См., например: *Hoffman D. L. European Modernity and Soviet Socialism* // Hoffman D. L., Kotsonis Y. (eds.). *Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices*. New York, 2000. P. 245–260. Хоффман опирается на идеи Зигмунта Баумана. См.: *Bauman Z. Modernity and the Holocaust*. Ithaca, 1989.

контексте, воздерживаются от заявлений об исключительности советского опыта и (справедливо) трактуют советский подход к национальному вопросу как ключевой для нарратива о большевистской революции. Но когда дело доходит до обсуждения уникальной формы Советского государства и сущности советского режима, все перечисленные подходы в конечном счете оказываются более описательными, чем объяснительными.

В этой книге я применяю иной подход. Я принимаю как данность, что Советский Союз во многом сильно напоминал другие модернизирующиеся империи и что его составные части — национальные республики, области и округа — в чем-то походили на национальные государства, но стремлюсь объяснить именно то, *как и почему* сложилась такая ситуация. Говоря конкретнее, я изучаю то, как европейские идеи «нации» и «империи» пришли в Россию и затем трансформировались в советском контексте с его марксистским восприятием исторического развития. Утверждая, что Советский Союз оформился через процесс выборочного заимствования, я прослеживаю цепочки передачи идей и практик с Запада в СССР, попытки советских лидеров, экспертов и местных элит переопределить эти идеи и практики в рамках своих специфических, иногда конкурирующих повесток и рассматриваю «активацию» этих идей и практик «на земле» среди различных групп населения.

Эта книга посвящена формированию Советского Союза. Она рассказывает и об официальном провозглашении СССР в 1922 году, и о гораздо более длительном и интенсивном процессе трансформации территорий и народов в границах этой страны¹. В частности, я стремлюсь понять, каким образом большевики изменяли индивидуальные и групповые идентичности населения бывшей Российской империи. Я избегаю взгляда на СССР как на «тюрьму народов» и трактую «советизацию» всех (и русского, и нерусских) народов внутри

---

¹ Об официальном провозглашении СССР в 1922 году см.: *Pipes R. The Formation of the Soviet Union; Smith J. The Bolsheviks and the National Question; Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917–1923. New York, 1950. Vol. 1.* О попытках советской власти преобразовать нерусские регионы см.: *Northrop D. Veiled Empire: Gender and Power in Stalinist Central Asia. Ithaca, 2004; Edgar A. L. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton, 2004.*

советских границ как процесс, предполагающий взаимодействие и соучастие. Большевики хотели не только установить контроль над народами бывшей Российской империи — они стремились включить эти народы в революционный процесс и обеспечить их активное участие в великом социалистическом эксперименте. Опираясь лишь на силу и принуждение, большевики не могли бы достичь столь амбициозной цели. Они заключали альянсы с бывшими имперскими экспертами, обеспечивали лояльность местных элит и выстраивали административные и социальные структуры, поощрявшие массовое участие или требовавшие его.

Для процесса формирования Советского Союза не было проблемы важнее, чем национальный вопрос. Большевики поставили перед собой цель построить социализм на обширной многоэтничной территории, населенной сотнями разнообразных оседлых и кочевых народов из множества лингвистических, конфессиональных (религиозных) и этнических групп. Совершить это они пытались в эпоху национализма, на фоне Парижской мирной конференции с ее одержимостью «национальной идеей», что дополнительно усложняло их грандиозную задачу. До 1917 года большевики призывали к национальному самоопределению всех народов и осуждали любые формы колонизации как эксплуатацию. Но, захватив власть, они задумались о том, что Советской России не выжить без туркестанского хлопка и кавказской нефти. Пытаясь примирить свою антиимпериалистическую позицию с сильным желанием удержать в руках все земли бывшей Российской империи, большевики интегрировали национальную идею в административно-территориальное устройство нового Советского Союза. При содействии бывших имперских этнографов и местных элит они вписали все народы бывшей Российской империи в дефинитивную сетку официальных национальностей — одновременно даруя этим народам статус нации и облегчая централизованное управление. При помощи бывших имперских экономистов большевики выдвинули программу «советской колонизации», определив ее как план направляемого государством развития производительных сил без империалистической эксплуатации «менее развитых» народов «более развитыми».

Подход большевиков к национальному вопросу невозможен понять без учета их марксистско-ленинского мировоззрения¹. Они взяли у Карла Маркса идею, что в истории есть некая логика (или «телос») и что можно встать на «правильную сторону» исторического процесса, тщательно интерпретируя его внутреннюю динамику и высчитывая, в какой точке шкалы исторического развития мы находимся². Они также взяли у Маркса и Фридриха Энгельса те базовые предпосылки, что всякий общественный порядок построен на основе экономических структур, что общества движутся вперед посредством развития «производительных сил» и эволюционируют от своих первобытных истоков, проходя стадии феодализма, капитализма и социализма, пока не совершат финального перехода к коммунизму³. Держа в уме именно эти идеи, большевики тщательно изучали европейские национальные государства и их колониальные империи. Они считали, что Западная Европа находится впереди России на шкале исторического развития и служит индикатором того, куда направляется Россия. Но большевики рассчитывали на нечто гораздо большее, чем следовать по европейским стопам. Они были убеждены, что возможно — и желательно — не просто интерпретировать внутреннюю динамику исторического процесса, а поставить историю под контроль и толкнуть вперед⁴. Маркс полагал, что изменения в «экономическом базисе» вызывают соответствующие изменения в социальных формах

¹ Важная предпосылка этой книги состоит в том, что идеология много значила для большевиков. Обсуждения важности идеологии для советского проекта см. в работах: *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995*; *Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, MA, 2002*; *Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, 2000*; *Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York, 1994* [русский перевод: *Малия М. Советская трагедия: История социализма в России, 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2002. — Прим. пер.*]; *Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton, 2001*.

² О большевистском понимании истории см.: *Halfin I. From Darkness to Light. P. 82*; *Malia M. The Soviet Tragedy*; *Cohen G. A. Karl Marx's Theory of History: A Defense. Princeton, 2000*; *Hoffman D. L. European Modernity and Soviet Socialism*.

³ Разработку этой идеи см. в кн.: *Cohen G. A. Karl Marx's Theory of History*.

⁴ См.: *Halfin I. From Darkness to Light*; *Malia M. The Soviet Tragedy*.

и культуре (которые он считал частью «надстройки»). Большевики же, напротив, стремились ускорить исторический процесс, воздействуя на экономическую базу, социальные формы и культуру *одновременно*. Перед тем как хотя бы подступиться к столь монументальной задаче, они нуждались в точной информации о социальных формах и культурах, господствовавших в бывшей Российской империи.

Большевики не могли бы достичь своих целей без посторонней помощи. Лидеры нового партийного государства обладали всеохватным мировоззрением и секулярным восприятием прогресса, однако не имели даже самого поверхностного представления о землях и народах бывшей Российской империи¹. С самого начала они оказались в зависимости от бывших имперских экспертов — этнографов и экономистов, — которые сами искали в европейских примерах ключи к решению российских социальных и экономических проблем. Многие из этих экспертов жили и учились в Европе. Все они хорошо разбирались в политике национализма и имперских практиках. Как и большевики, эти эксперты воспринимали российские проблемы и возможности сквозь призму европейского опыта и подобно большевикам безгранично верили в преобразующую силу научно обоснованного государственного управления и в идею прогресса. Владимир Ильич Ленин и другие большевистские лидеры были достаточно чутки и удачливы, чтобы заключить альянс с этими экспертами, которые стали помогать им в распространении революции, концептуальном завоевании советских владений и нащупывании почвы для революционной национальной политики.

Одной из групп таких экспертов была Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС). Она была основана в феврале 1917 года и включала в себя этнографов, изучавших этнический состав населения России во время Первой мировой войны, когда национальный вопрос стал приобретать международное политическое значение. Российские этнографы давно завидовали своим западным коллегам из-за влияния,

---

¹ Я использую термины «партийное государство» и «советский режим» как синонимы. Советский Союз часто называют партийным государством, потому что он был однопартийным режимом со взаимным переплетением партийных и государственных кадров.

которое те якобы оказывали на колониальные проекты своих правительств. Но этнографы КИПС в качестве экспертов-консультантов большевистского режима играли гораздо более важную роль в работе правительства, нежели та, какую когда-либо доводилось играть большинству европейских и американских антропологов. Эти этнографы проводили всесоюзные переписи, содействовали правительственным комиссиям по размежеванию внутренних границ СССР, руководили экспедициями по изучению «человека как производительной силы», организовывали этнографические выставки и образовательные курсы по «народам СССР». Исследователи европейского колониализма, утверждающие, что антропологи «никогда не занимали ведущих мест в большом процессе имперской власти», а играли «тривиальную» роль в «поддержании структур имперского правления», возможно, пожелали бы пересмотреть свои доводы в свете советского случая¹.

Этнографы КИПС не только обеспечивали советский режим необходимыми сведениями, но и помогли сформировать уникальный подход к трансформации населения. Этот подход, который я называю «поддерживаемое государством развитие», был советской версией идеи цивилизующей миссии. Он коренился в марксистской концепции развития через освоение исторических стадий и опирался также на европейские антропологические теории культурного эволюционизма (в которых, как и в марксизме, разделялось телеологическое представление об «опространственном времени»)². Идея поддерживаемого государством развития придала уникальное направление национальной идее, опираясь на тот ленинский взгляд, что прохождение обществом стадий марксистской шкалы исторического развития может быть ускорено. Начиная с 1920-х годов советский режим и его этнографы пытались возглавить процесс формирования наций в регионах, где преобладали родовые и племенные

---

¹ Цит. из кн.: *Asad T.* Afterword: From the History of Colonial Anthropology to the Anthropology of Western Hegemony // *Stocking G. W., Jr (ed.). Colonial Situations: Essays on the Contextualization of Ethnographic Knowledge.* Madison, 1991. P. 315.

² *Fabian J.* Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object. New York, 1983. Ch. 1.

идентичности и где местные народы, казалось, не имели национального самосознания. Советские деятели опирались на ту идею, что роды и племена — это общественные формы «эпохи феодализма» и что сплавление и консолидация родов и племен в национальности (как это было при переходе к капитализму в Европе) — необходимый следующий этап на пути к социализму. Этнографы пытались помочь режиму предсказать, какие именно роды и племена в конце концов сольются и образуют новые национальности, — задача, требовавшая немалых «прыжков веры». Как и местные элиты, этнографы в то время сотрудничали с государством, помогая ему формировать национальные территории, официальные национальные языки и культуры для этих групп. Поддерживаемое государством развитие, таким образом, основывалось на уверенности, что национальности строятся из «примордиальных» этнических групп, и на постулате, что государство может вмешиваться в естественный процесс развития и «конструировать» современные нации. Учитывая марксистско-ленинское мировоззрение большевиков, ясно, что научные дискуссии после 1991 года о том, на конструктивистскую или примордиалистскую концепцию национальности опирался советский режим, создают ложную дихотомию¹.

Каковы были цели поддерживаемого государством развития? Во-первых, этот подход отличался от национального самоопределения. Не был он и программой «создания наций» как самоцели. Когда советский режим сплавливал роды и племена в национальности, он отбрасывал (или «пересматривал») свои прежние обещания национального самоопределения и осуждал любые попытки отделиться от Советского государства как «буржуазный национализм». Во-вторых, поддерживаемое государством развитие не было формой «положительного действия» (*affirmative action*), нацеленного на развитие «национальных меньшинств»

---

¹ Здесь я не согласна с Мартином, который утверждает, что в середине 1930-х годов «произошел резкий поворот от прежнего советского представления о нациях как фундаментально современных конструктах к подчеркиванию глубоких примордиальных корней современных наций» (*Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 443*). См. также: *Suny R. G. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // Journal of Modern History. 2001. December. Vol. 73. No. 4. P. 862–896.*

за счет «национальных большинств»¹. Краткосрочной целью поддерживаемого государством развития было «содействовать» потенциальным жертвам *советской* экономической модернизации и тем самым провести черту между Советским государством и ненавистными «империалистическими державами». Долгосрочной целью было провести *все* население по марксистской шкале исторического развития: преобразовать роды и племена феодальной эпохи в национальности, а национальности — в социалистические нации, которые когда-нибудь в будущем, при коммунизме, должны будут слиться воедино². Эта более общая концепция создает важный контекст для понимания политики режима в 1930-х годах — политики сплавления национальностей в небольшое число «развитых» социалистических наций. Некоторые историки характеризуют эту более позднюю политику как «отступление» (например, от повестки «положительного действия»)³. В настоящей книге я, напротив, доказываю, что такая политика соответствовала долгосрочным целям советского режима и означала попытку еще сильнее форсировать революцию и ускорить переход к коммунистическому будущему.

Большевики очень серьезно относились к программе поддерживаемого государством развития и вкладывали в ее реализацию гораздо больше усилий, чем европейские колониальные империи — в свою собственную цивилизующую миссию⁴.

¹ Здесь я также спору с Мартином (*Martin T. The Affirmative Action Empire*).

² О развитии народов по стадиям в марксистской исторической теории см.: *Slezkine Yu. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca, 1994 [русский перевод: *Слэзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малочисленные коренные народы Севера*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. — *Прим. пер.*].

³ Мартин, утверждая, что в 1930-х годах режим отказался от программ «положительного действия», упускает из виду, что советская политика с *самого начала* была ориентирована на слияние этноисторических групп. В 1930-х годах этот процесс *ускорился*, а не был отвергнут. Доказывая, что в тот период произошло «отступление», Мартин опирается на работу: *Timasheff N. S. The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia*. New York, 1946.

⁴ Стремление советской власти преобразовать самые отдаленные территории страны резко контрастирует с политикой Британской империи, где «лишь меньшинство подвластных народов» имело реальные культурные, политические и экономические связи с центром. См.: *Anderson B. Imagined Communities*. P. 92. О британском случае см. также: *Stocking G. W., Jr. After Tylor: British Social Anthropology, 1888–1951*. Madison, 1995; *Cannadine D. Ornamentalism: How the British Saw Their Empire*. New York, 2001.

Советские лидеры характеризовали «отсталость» народов как следствие общественно-исторических обстоятельств, а не имманентно присущих им расовых или биологических черт. Они утверждали, что все народы могут «развиваться» и процветать в новых, советских условиях. Партийное государство выделяло значительные ресурсы на содействие этноисторической эволюции населения, закрепляя за народами официальные национальные территории, культуры, языки и исторические нарративы. Оно также дало сильный толчок «коренизации» местных учреждений, обучая узбекских, белорусских и других «национальных коммунистов» работе в государственных и партийных органах национальных республик, областей и краев.

Но было бы ошибкой идеализировать советский подход к населению. Партийное государство было преисполнено и благородных намерений, и жестокости одновременно. Оно сочетало политику «благодеяний» с насилием и террором. Оно воевало с традиционной культурой и религией, разрушало местные общины и преследовало конкретных людей и группы за проявления «стихийного национализма». Оно сажало в тюрьмы, депортировало и иногда убивало людей и целые общины за такое «преступление», как «буржуазный национализм». Кроме того, политика поддерживаемого государством развития сама по себе не означала, что все роды и племена могут развиваться в *отдельные* нации. В 1920-х годах, в разгар того, что некоторые историки называют периодом «этнофилии» режима, советские лидеры и эксперты стремились *ликвидировать* языки, культуры и обособленные идентичности сотен родов и племен, чтобы «помочь» им «развиться» (и/или сплавиться) в новые официальные национальности¹.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Одна из главных тем этой книги — роль этнографического знания в формировании Советского Союза. Я обозначаю термином «этнографическое знание» два разных типа информации.

---

¹ О советской «этнофилии» см.: Slezkine Yu. The USSR as a Communal Apartment. P. 415.

Первый — это «академические, но прикладные» знания, которые накапливали и компилировали для советского режима профессиональные этнографы, антропологи, географы и другие эксперты, зачастую с явно выраженным намерением облегчить работу государства¹. Русская и ранняя советская этнография была широкой научной дисциплиной, включавшей географию, археологию, физическую антропологию и лингвистику. Она во многом напоминала европейскую культурную антропологию, но отличалась от русской и советской антропологии — более узкой дисциплины, занимавшейся физической антропологией². Бывшие имперские этнографы обеспечивали партийное государство этнографическими отчетами, списками территорий и народов, картами, диаграммами структур родства и другими материалами, которые государство использовало для лучшего понимания местных жителей, распространения революции и укрепления советской власти. Эти эксперты также выработали стандартизованный словарь национальных терминов, используя особые слова («народность», «национальность», «нация») для обозначения этнических групп на разных стадиях развития.

Второй тип информации — это локальные знания, поставляемые местными руководителями и администраторами в центральные партийные и государственные учреждения и касающиеся территорий и народов в их непосредственном ведении³. Некоторые представители этих местных элит считали себя коммунистами и придерживались официальных советских позиций. Отношения других с советским режимом оставались менее однозначными. Большинство их участвовало в борьбе за власть

---

¹ *Stocking G. W., Jr. Maclay, Kubary, Malinowski: Archetypes from the Dreamtime of Anthropology // Stocking G. W., Jr (ed.). Colonial Situations. P. 64.*

² *Gellner E. (ed.). Soviet and Western Anthropology. London, 1980. P. x–xi.* До революции и на протяжении 1920-х годов термины «этнография» и «этнология» часто употреблялись в России как синонимы, но позже термин «этнология» сузился и стал обозначать изучение физических или расовых характеристик.

³ Я использую термин «локальное знание» несколько иначе, чем Клиффорд Гирц. Гирц интересуется прежде всего тем, как этнографы, юристы и другие эксперты интерпретируют мысли и чувства, используют их и оказывают на них влияние. Я интересуюсь тем, как местные элиты и администраторы собирают локальное знание для нужд властей или экспертов. См.: *Geertz C. Local Knowledge: Further Essays in Interpretative Anthropology. New York, 1983.*

на местах и использовало национальную идею как инструмент продвижения интересов их собственных общин или властных группировок. В некоторых случаях местные элитарии и администраторы сами проводили исследования, собирая старые данные и добывая исторические материалы из местных архивов. Они обеспечивали партийное государство своими собственными картами, отчетами и обзорами, которые иногда подтверждали информацию экспертов, иногда противоречили ей, а иногда даже опирались на нее.

Этнографическое знание никогда не бывает ценностно нейтральным, хотя может выглядеть таковым, если приобретено путем научных исследований. Фактически оно всегда является результатом ряда решений и оценок и в большинстве случаев воплощает в себе предрассудки и амбиции конкретных людей, занимавшихся сбором данных, классификацией и оформлением результатов¹. Этнографы и другие эксперты выбирали определенные подходы и критерии для изображения народов, основываясь отчасти на собственном образовании, собственных институциональных связях и ранее усвоенных идеях о различных народах и регионах. Местные элиты, со своей стороны, представляли партийным и государственным комиссиям карты и данные, подкреплявшие притязания соответствующих местных группировок на спорные земли и другие ресурсы. Предрассудки и упования этих лиц, снабжавших режим информацией, имели большое значение. Критерии, на основании которых этнографы определяли национальную принадлежность индивидов и групп, — язык, физический тип, этническое происхождение или самоопределение — влияли на составление этнографических карт, на основании которых делились земли. Дадут ли народу права нации, зависело от того, включались ли в список национальностей только «чистокровные этнические группы» или и «смешанные» тоже. Принцип, на основе которого местные элиты претендовали на роль представителей местного населения, — общий язык, родовые связи или культурное

¹ Сходные утверждения о естественно-научном знании см. в кн.: *Longino H. E. Science as Social Knowledge: Values and objectivity in Scientific Inquiry*. Princeton, 1990. См. также: *Foucault M. The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language* / Transl. by A. M. Sheridan Smith. New York, 1972.

сходство — влиял на размежевание новых национальных территорий. В этой книге я показываю, каким образом все эти варианты выбора воздействовали на административно-территориальную структуру Советского Союза, на выделение тех или иных ресурсов различным группам населения и на развитие «советских» национальных идентичностей.

Основная масса литературы о советской национальной политике посвящена почти исключительно партийному государству — на том основании, что все значимые решения принимали вожди партии в Москве. Но фактически производство знаний не так-то просто отделить от осуществления власти в Советском Союзе — как и в любом другом современном государстве. Безусловно, партийное государство было локусом политической власти. Но оно не имело монополии на знания, а, напротив, в значительной степени зависело от информации о населении, поставляемой экспертами и местными элитами. Собирая важные этнографические данные, влиявшие на представления режима о своих землях и народах, и помогая режиму создавать официальные категории и списки, эти эксперты и местные элиты участвовали в формировании Советского Союза. Иногда партийное государство ссылалось на этнографическое знание для рационализации того, что в действительности было чисто политическим решением. Однако чаще это государство прибегало к этнографическому знанию, чтобы определиться с формулировкой своей политики¹.

Впрочем, все это не означает, что этнографическое знание может существовать полностью вне политики. Не следует считать и так, будто партийное государство и группы, снабжавшие его этнографическим знанием, находились в равных или хотя бы взаимовыгодных отношениях. Силы советского режима и этих групп всегда были неравны, а их альянсы — всегда непрочны. Бывшие имперские эксперты и местные элиты разделяли с большевиками некоторые краткосрочные цели, но в большинстве своем не разделяли их марксистско-ленинского

---

¹ Сходные утверждения об использовании естественно-научного знания в нацистском государстве см. в работе: *Szöllösi-Janze M. National Socialism and the Sciences: Reflections, Conclusions, and Historical Perspectives // Szöllösi-Janze M. (ed.). Science in the Third Reich. Oxford, 2001. P. 1–35.*

мировоззрения и мечты о строительстве социализма. Советские лидеры были готовы закрывать глаза на эти «недостатки» до тех пор, пока крайне нуждались в информации о своем населении. Но в 1929 году советский режим в основном завершил концептуальное завоевание территорий и народов внутри своих границ, во многом благодаря содействию экспертов и местных элит в предшествовавшее десятилетие. В том году партийное государство во главе с Иосифом Сталиным начало наступление на «идеологическом фронте», стремясь установить контроль над всеми лицами и институтами, задействованными в производстве знаний¹. В течение следующего десятилетия завязалась замысловатая петля обратной связи: этнографическое знание по-прежнему влияло на советскую политику, а силовые органы партийного государства в то же время оказывали сильное влияние на производство этнографического знания. Этнографы и другие эксперты, производившие знания, перестроили свои дисциплины изнутри, чтобы избежать преследований, приспособиться к нуждам режима и спасти свои профессии. Местные элиты научились демонстрировать «правильный советский» национализм, очищенный от «буржуазных» тенденций и амбиций.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

В этой книге, обсуждая производство этнографического знания в Советском Союзе, я изучаю то, что исследователи европейского колониализма называют культурными технологиями

---

¹ Это наступление сопровождало индустриализацию и коллективизацию, которые были частью сталинской «революции сверху». Партийная кампания по захвату контроля над научными и культурными учреждениями в тот период часто называется в западной историографии культурной революцией. Я же по двум причинам предпочитаю называть ее кампанией на «идеологическом фронте». Во-первых, она охватывала не только культуру. Во-вторых, сами советские лидеры и эксперты называли термином «культурная революция» свою кампанию по «окультуриванию» или «цивилизированию» «отсталых» регионов. Этот вопрос я детально рассматриваю в главе 5. Шейла Фицпатрик, писавшая вскоре после китайской культурной революции, первой использовала этот термин для описания партийного наступления на научные и культурные учреждения. См.: *Fitzpatrick S. Cultural Revolution as Class War // Fitzpatrick S. (ed.). Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, 1978. P. 8–40.*

управления, — те формы нумерации, картографирования и опросов, с помощью которых государства «модерна» упорядочивают и осмысливают сложный человеческий и географический ландшафт¹. Я доказываю, что в Советском Союзе, как и в других государствах и империях эпохи модерна, эти технологии поддерживали и укрепляли централизованную власть, служа дополнением к силе и принуждению. Я также доказываю, что в СССР культурные технологии управления использовались с целью реализации революционной повестки. В то время как европейские колониальные державы зачастую применяли эти технологии (намеренно или нет) «для создания новых категорий и оппозиций между колонизаторами и колонизируемыми, европейцами и азиатами, модерном и традицией», советское партийное государство применяло их для ликвидации этих оппозиций — чтобы модернизировать и трансформировать все области и народы бывшей Российской империи и включить их в единую советскую общность². В конце 1930-х годов советский режим применял те же технологии для противопоставления иного рода — «советских» национальностей и «несоветских» (подозрительных, чужих, иностранных).

Особое внимание в этой книге уделено переписи, карте и музею — трем культурным технологиям управления, благодаря которым этнографы и другие эксперты соприкасались с ситуациями на местах и с государственной властью. Несомненно, это лишь небольшая часть культурных технологий управления, имеющих фундаментальное значение для процесса государственного строительства³. Я посвящаю особое внимание именно этим трем технологиям из-за их важной роли в производстве

---

¹ Термин «культурные технологии управления» принадлежит Николаю Б. Дирксу. См.: *Dirks N. B. Foreword // Cohn B. S. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. Princeton, 1996. P. ix; Dirks N. B. Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India. Princeton, 2001. См. также: Crais C. Chiefs and Bureaucrats in the Making of Empire: A Drama from the Transkei, South Africa, October 1880 // The American Historical Review. 2003. Vol. 108. No. 4. P. 1034–1060.*

² Источник цитаты: *Dirks N. B. Foreword // Cohn B. S. Colonialism and Its Forms of Knowledge. P. ix.*

³ Можно также рассмотреть образовательные программы, систему правосудия, печать и т. д.

и распространении этнографического знания. Перепись населения, административно-территориальная карта и этнографический музей играли ключевую роль в создании официальной дефинитивной сетки национальностей Советского Союза. Благодаря работе Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества» я впервые обратила внимание на возможные связи между переписью, картой и музеем в государстве модерна¹. Но если Андерсон принимает как данность «важные пересечения» или «связи» между переписью, картой и музеем, то я исследую и несоответствия между ними, а не только взаимосвязи. Поэтому, в частности, я уделяю особое внимание группе экспертов, игравших значительную роль во всех этих трех областях. В Советском Союзе те же этнографы, что создавали официальный список национальностей СССР для счетчиков Центрального статистического управления, рисовали и новые карты для правительственных комиссий и составляли новые музейные экспозиции, посвященные «народам СССР». Каждая область влияла на остальные. Но в 1920-х годах они еще не полностью соответствовали друг другу: многие национальности, включенные в список, не были представлены на картах и в этнографических экспозициях. Строительство Советского Союза еще не завершилось, и советские этнографы, работавшие на партийное государство, в течение следующих двадцати лет пытались привести перепись, карту и музей в более близкое соответствие друг другу.

Перепись, карта и музей облегчали процесс, который я называю двойной ассимиляцией, — ассимиляцию разнородного населения в национальные категории и одновременную ассимиляцию этих классифицированных по национальностям

---

¹ *Anderson B.* Imagined Communities. О переписи см. также: *Cohn B. S.* The Census, Social Structure and Objectification in South Asia // *Cohn B. S.* (ed.). *An Anthropologist Among the Historians and Other Essays.* New Delhi, 1987. P. 224–254; *Appadurai A.* Number in the Colonial Imagination // *Breckenridge C. A., Veer P. van der* (eds.). *Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia.* Philadelphia, 1993. P. 314–339. См. также статьи в сборнике: *Kertzer D., Arel D.* (eds.). *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses.* Cambridge, 2002. О картах и размежеваниях см.: *Edney M.* *Mapping an Empire: The Geographical Construction of British India, 1765–1843.* Chicago, 1997. Об экспозициях см.: *Lebovics H.* *True France: The Wars over Cultural Identity, 1900–1945.* Ithaca, 1992.

групп в Советское государство и общество. Проведение переписей и размежевание границ объяснялись в терминах самоопределения, но фактически служили мощными «дисциплинирующими» механизмами, облегчавшими административную консолидацию и контроль. Классификация всего населения по «национальностям» — включая роды и племена, лишенные национального самосознания, — помогала режиму реализовать повестку поддерживаемого государством развития. Организация новых национальных территорий и национальных учреждений оказалась эффективным инструментом интеграции всего нерусского населения в унифицированное Советское государство. Наконец, этнографический музей служил экспертам и администраторам важной площадкой по выработке и пропаганде нарратива о трансформации Российской империи в Советский Союз — нарратива, делавшего акцент на развитии народов СССР под эгидой советской власти.

Необходимо подчеркнуть, что двойная ассимиляция была интерактивным процессом. Режим не просто навязывал населению официальные категории и нарративы. Эти категории и нарративы и создавались, и активировались через участие экспертов и масс. При подготовке к Всесоюзной переписи по всей стране среди советских лидеров, экспертов и местных элит шли споры о том, какие народы включать в официальный список национальностей СССР. Сама перепись проводилась в форме опроса счетчиками респондентов один на один. Несомненно, хотя перепись предполагала национальную «самоидентификацию», местные жители зачастую *из этого самого опроса* узнавали о том, как идентифицировать себя в официальных терминах. Размежевание границ тоже подразумевало активное участие экспертов и местных жителей. Комиссии по пограничным спорам консультировались с экспертами и местными элитами, а также собирали петиции с мест. Эти элиты, трактуя размежевание границ как возможность нарастить свои территории и ресурсы, распространяли советскую «национальную идею» среди своего, местного населения и тем самым помогали интегрировать его в советскую общность. А посетителей этнографического музея (и других учреждений культуры) побуждали воображать себя персонажами формирующегося официального нарратива

о народах СССР и, кроме того, просили высказывать «социалистическую критику» экспозиций и представлений.

Какие выводы о советском режиме позволяет сделать эта модель двойной ассимиляции? Подобно авторам многих работ, написанных после 1991 года, я в этой книге пытаюсь выйти за рамки дискуссий эпохи холодной войны, развернувшихся между сторонниками «тоталитарной модели» и «ревизионистами». «Тоталитарная школа» во многих своих версиях 1960–1970-х годов исходила из предположения, что партийное государство в сталинскую эпоху установило над населением тотальный контроль и потому социальные процессы не заслуживают изучения. В противоположность ей «ревизионистская школа» обычно уделяла больше внимания социальным процессам, интерпретируя оглашение жалоб с мест и реализацию локальных повесток как свидетельство в пользу того, что контроль со стороны партийного государства «тотальным» не был¹. Обе школы не придавали большого значения утверждению Ханны Арендт (высказанному в работе 1951 года «Истоки тоталитаризма»), что советский режим завоевал и удерживал власть посредством мобилизации масс². В этой книге я доказываю, что необходимо уделять пристальное внимание конкретным словарям, категориям и нарративам, посредством которых индивиды и группы выражали свои жалобы и упования, и тому, какими способами они занимались локальными повестками — прибегая к официальным каналам или нет³. Я полагаю, что в той мере, в какой люди использовали официальный советский язык и взаимодействовали с советскими учреждениями, их участие «снизу» фактически помогало

¹ Классические образцы «тоталитарной школы»: *Schapiro L. The Concept of Totalitarianism // Survey. 1969. No. 73. P. 93–115; Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, MA, 1965.* Классические образцы «ревизионистской школы»: *Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985; Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union. Cambridge, 1979.*

² *Arendt H. The Origins of Totalitarianism. Rev. ed. San Diego, 1979* [русский перевод: *Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалёва, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова. М.: ЦентрКом, 1996. — Прим. пер.*].

³ О важности массового участия для советского проекта и о феномене людей, учившихся «говорить на большевистском языке», см.: *Kotkin S. Magnetic Mountain.*

ассимилировать разрозненные части Союза и укреплять советскую власть. Даже те местные народности, которые пытались использовать официальные категории и языки для «сопротивления» советской власти и достижения своих собственных целей, в конце концов реифицировали эти категории и языки и тем самым были подведены под советское влияние.

МЕНЯЮЩИЙСЯ ЕВРОПЕЙСКИЙ ФОН

Советские лидеры и эксперты формулировали свои идеи о «нациях» и «империях» в диалоге не только между собой, но и с другими странами. Европейская «эпоха империй» и Первая мировая война (в ходе которой приобрела популярность национальная идея) создавали критически важный фон в первые годы формирования Советского государства. Но ни этот фон, ни политика советского режима, ни его практика не оставались неизменными. Советский подход к населению в 1930-х годах продолжал развиваться во многом как реакция на то, что я называю двойной угрозой: идеологический вызов со стороны нацистских расовых теорий и геополитическая опасность «империалистического окружения». Утверждения нацистов, что культурные и поведенческие признаки связаны с расовыми, что расовые признаки развиваются на основе «неизменного генетического материала» и что социальные меры не могут улучшить человеческую природу, — все это было прямым вызовом большевистскому мировоззрению. В то же время давние страхи большевиков перед «империалистическим окружением» стали казаться более чем обоснованными, когда японцы в 1930-х годах начали совершать вторжения на советский Дальний Восток, а нацисты — предъявлять права на вмешательство в дела этнических немцев в СССР. Бросая идеологический вызов советской мечте и угрожая советским границам, нацисты и их союзники тем самым ставили под удар советский проект социалистической трансформации сразу на двух фронтах.

Распространение национал-социалистических идей после 1930 года и консолидация нацистского Германского государства в 1933-м требовали убедительного ответа со стороны советского режима. В конечном счете они подтолкнули к ускорению

революции и связанного с ней процесса поддерживаемого государством развития. Начиная с 1931 года (когда национал-социалистические идеи стали распространяться среди немецких ученых) советский режим потребовал от своих этнографов и антропологов дать марксистско-ленинское определение расы и собрать свидетельства в пользу той советской позиции, что развитие человека определяют не расовые признаки, а общественные условия. Эти эксперты должны были доказать, что приобретенное важнее врожденного, что «отсталость» есть продукт общественно-исторических (а не биологических) факторов и что поддерживаемое государством развитие уже достигло успеха. В то же время советский режим принял меры по защите своего пограничья и других регионов, важных в экономическом и геополитическом плане, от «ненадежных элементов», включая так называемые «диаспорные национальности», куда входили немцы, поляки и представители других национальных групп, ассоциировавшихся с зарубежными странами. Была проведена черта между «советскими» и «иностранными» нациями, и последних безжалостно выбросили из советской общности. По сути, советский режим в попытке противостоять этой двойной угрозе твердо занимал позицию против биологического детерминизма и в то же время преследовал людей «неправильного» этнического происхождения. Я исследую конфликт между этими двумя политическими курсами и его важность для понимания природы советского проекта.

СТРУКТУРА КНИГИ

Во многих работах о советской национальной политике принята сложившаяся в науке стандартная периодизация советской истории. Они начинаются с периода «новой экономической политики» (1923–1928), за которой следует эпоха «социалистического наступления» и культурной революции (1928–1932), а затем переходят к периоду «великого отступления» (1933–1938). В данной книге я использую отчасти иную периодизацию и оспариваю некоторые из этих конвенциональных ярлыков. Я исследую преемственность и разрывы между 1905 и 1941 годами с точки зрения разных исторических акторов

и рассматриваю основные события с точки зрения разных регионов Советского Союза. Также я изучаю, в каком смысле сами советские лидеры и эксперты употребляли такие термины, как «культурная революция».

В первой части — «Империя, нация и научное государство» — я рассматриваю период между 1905 и 1924 годами как единое целое, анализируя цепочку принятых большевиками решений о том, как «делать революцию» в многоэтничной империи и строить государство нового типа. В главе 1 ставится вопрос, каким образом позднеимперские эксперты и большевистские лидеры построили деловые отношения друг с другом после захвата власти большевиками, и рассматриваются идеи и подходы, предложенные друг другу обеими сторонами. Я особо подчеркиваю влияние Первой мировой войны на развитие этих идей и подходов. В главе 2 анализируются межведомственные дискуссии об административно-территориальной организации Советского государства. Я рассматриваю две конкурирующие модели советского государственного устройства: этнографическую парадигму (которая отталкивалась от «национальной идеи») и экономическую парадигму (которая вдохновлялась европейской колониальной экономикой). В обеих главах я оцениваю влияние европейских идей нации, империи и экономического развития на большевиков, на бывших имперских экспертов и на процесс формирования Советского государства.

Во второй части — «Культурные технологии управления и природа советской власти» — я рассматриваю десятилетие с 1924 по 1934 год и анализирую «советизацию» новорожденного Советского Союза. В период 1924–1929 годов, согласно этой части книги, режим в основном завершил концептуальное завоевание земель и народов в своих границах, а в период 1929–1934-го, уже вооруженный ключевой информацией, попытался совершить полный разрыв с прошлым («великий перелом»). В главе 3 я рассматриваю 1-ю Всесоюзную перепись 1926 года как важный инструмент государственного строительства, обеспечивший советский режим этнографическим знанием и облегчивший революционную трансформацию населения. В главе 4 исследую размежевание новых административно-территориальных единиц

(национальных республик и областей) в соответствии с этнографическими и экономическими критериями. В обеих этих главах я говорю о том, что создание официальных национальных категорий, а также политика наделения национальностей (в противоположность родам и племенам) территориями и ресурсами побуждали людей переартикулировать свои идентичности и интересы в официальных «национальных» терминах. В главе 5 я рассматриваю этнографический отдел Русского музея и прослеживаю попытки экспертов и активистов политического просвещения определить, как должны выглядеть «советские национальности», и построить официальный нарратив о формировании СССР. Я изучаю письменные отзывы посетителей музея о его экспозициях и обсуждаю, каким образом эти отзывы были использованы в период «великого перелома» в интересах кампании на идеологическом фронте.

Третья часть — «Нацистская угроза и ускорение большевистской революции» — посвящена периоду 1931–1941 годов. В ней рассматривается реакция советского режима на нацистов. Я доказываю, что начиная с 1931 года, пикового года «великого перелома», режим пересмотрел условия своего альянса с бывшими имперскими экспертами, чтобы сосредоточиться на внешнем враге — немецком расоведении. В период 1934–1941 годов, согласно этой части книги, режим стремился обезопасить границы Советского Союза и ускорить (*а не развернуть назад*) процесс революционной трансформации. Глава 6 посвящена комплексным этнографо-антропологическим экспедициям в Среднюю Азию, на Дальний Восток и в другие регионы; я изучаю то, как антропологи и этнографы опровергали утверждения немцев о расовой неполноценности советского населения и вырабатывали убедительные объяснения продолжавшейся «отсталости» некоторых из этих регионов. В главе 7 исследуются попытки этнографов использовать результаты 2-й Всесоюзной переписи (проведенной в 1937 и вторично в 1939 году), чтобы радикально ускорить сплавление национальностей в советские нации. В этой главе также рассматривается распространение внутренних паспортов — еще одной культурной технологии управления. Я доказываю, что перепись вместе с паспортом институционализировали разграничение между «советскими»

и «иностранными» нациями и позволили режиму отслеживать и преследовать (истинных или подозреваемых) представителей второй группы.

В этой книге я исследую советский подход к национальному вопросу и развитие советской этнографической науки, ставя целью понять динамику советского управления. Я не сосредоточиваю внимание исключительно на научных учреждениях или партийном государстве, а рассматриваю важные точки взаимодействия между экспертами, местными элитами, партийным государством и обычными жителями страны. Надеюсь, что изучение процесса формирования Советского Союза и исследование связей между формированием национальных идентичностей и советизацией в первые десятилетия советской власти позволят нам подойти к пониманию не только причин распада Советского Союза по национальным границам в 1991 году, но и причин его устойчивости на протяжении более семидесяти лет.

Книга включает материалы, опубликованные в следующих статьях:

Hirsch F. The Soviet Union as a Work-in-Progress: Ethnographers and the Category Nationality in the 1926, 1937, and 1939 Censuses // *Slavic Review*. 1997. Vol. 56. No. 2. P. 251–278.

Hirsch F. Toward an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // *The Russian Review*. 2000. Vol. 59. No. 2. P. 201–226.

Hirsch F. Getting to Know «The Peoples of the USSR»: Ethnographic Exhibits as Soviet Virtual Tourism, 1923–1934 // *Slavic Review*. 2003. Vol. 62. No. 4. P. 683–709.

Hirsch F. Toward a Soviet Order of Things: The 1926 Census and the Making of the Soviet Union // Szreter S., Sholkamy H., Dharmalingam A. (eds.). *Categories and Contexts: Anthropological and Historical Studies in Critical Demography*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

О ДАТАХ

Даты до 31 января 1918 года, когда в России приняли западный календарь, приведены по юлианскому календарю (отстающему на тринадцать дней от западного).

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В 1925–1936 годах казахи в официальных документах назывались казаками, а их республика — Казакской АССР или Казакстаном. Во избежание двусмысленностей я повсюду, в том числе в заковыченных цитатах, использую современное написание: «казахи», «Казахская АССР», «Казахстан». В соответствии с советской терминологией перевожу Central Asia как «Средняя Азия». Орфография (за исключением случаев использования заглавных букв на месте современных строчных) и пунктуация в цитатах исправлены, если не указано иное.